

Т. В. Куш

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПОЗДНЯЯ ВИЗАНТИЯ В РАБОТАХ М. А. ПОЛЯКОВСКОЙ

Статья посвящена памяти Маргариты Адольфовны Поляковской (1933–2020), главы Уральской школы византиноведения, признанного специалиста по истории и культуре поздней Византии. Автор знакомит читателя с научной биографией профессора Поляковской, тематикой ее работ и результатами ее исследований различных аспектов византийской истории XIII–XV вв. Выделяются несколько ключевых тем, которые разрабатывала М. А. Поляковская: монастырские владения в поздневизантийских городах, византийская риторика и эпистолография, общественно-политическая мысль, интеллектуальная жизнь, социальные структуры византийского общества, дворцовый церемониал и придворная культура, эмоциональный мир византийцев и повседневность. Отмечается, что М. А. Поляковская использовала богатый и разнообразный методологический инструментарий историко-филологических исследований, отдавая, однако, предпочтение антропологическому подходу. В центре ее внимания находился человек и его представления о времени и окружающем мире. Важное место в работах этого историка отводилось реконструкции интеллектуальной и общественной жизни периода упадка Византийской империи, а центральной темой ее исследований была проблема «человек, общество и власть».

Ключевые слова: М. А. Поляковская; Уральская школа византиноведения; поздняя Византия; византийские интеллектуалы; церемониал; византийская риторика

Цитирование: Куш Т. В. Поздняя Византия в работах М. А. Поляковской. DOI 10.15826/adsv.2020.48.001 // Античная древность и средние века. 2020. Т. 48. С. 11–23.

Поступила в редакцию 23.07.2020

Принята к печати 15.10.2020

Т. В. Кушч

Tatiana V. Kushch

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

LATE BYZANTIUM IN THE WORKS OF MARGARITA A. POLJAKOVSKAJA

This paper commemorates Margarita Adol'fovna Poljakovskaja (1933–2020), the head of the Ural school of Byzantine studies and the respected authority in the history and culture of late Byzantium. The author makes the reader acquainted with Professor Poljakovskaja's academic biography, the topics of her researches, and the results of her studies in various aspects of the Byzantine history from the thirteenth to fifteenth century. The paper has revealed a few key topics studied by Professor Poljakovskaja: monastic properties in late Byzantine cities; Byzantine rhetoric and epistolography; social and political thought; intellectual life; social structures in the Byzantine society; palace ceremonies and court culture; and the Byzantines' emotional world and daily life. It has been stated that although Professor Poljakovskaja used abundant and varied methodology produced by historical and philological researches, she preferred the anthropological approach. Her attention concentrated on a person and the person's notion of the time and self. Reconstructions of intellectual and social life in the period of decline of the Byzantine empire loomed large in the historian's studies, and the key topic of her researches was the problem of the "person, society, and power".

Keywords: Margarita A. Poljakovskaja; Ural school of Byzantine studies; Late Byzantium; Byzantine intellectuals; ceremonies; Byzantine rhetoric

For citation: Kushch, T. V. (2020). Pozdniaia Vizantiia v rabotakh M. A. Poljakovskoi [Late Byzantium in the Works of Margarita A. Poljakovskaja]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 48, 11–23. doi: 10.15826/adsv.2020.48.001

Submitted: 07.07.2020

Accepted: 15.10.2020

Научная биография Маргариты Адольфовны Поляковской (23.01.1933–04.05.2020), профессора, заслуженного деятеля науки РФ, главы Уральской школы византиноведения, была связана с изучением поздней Византии. Сравнивая этот период истории великой империи с «роскошным осенним садом»¹, она, несомненно, отгадывалась от образа, вынесенного Йоханом Хейзингой в название своей, ставшей уже «библией для медиевистов», книги. Но если нидерландский ученый, желавший исследовать «средневековую культуру в ее последней жизненной фазе, как дерево, плоды которого полностью завершили свое

¹ Поляковская М. А. Византия, византийцы, византинины. Екатеринбург, 2003. С. 5.

развитие, налились соком и уже перезрели», постоянно держал в уме возведение Ренессанса², первые лучи которого уже окрашивали европейский небосвод проблесками грядущего дня, то уральская исследовательница, погрузившись в изучение «осени Византии», исходила из того, что время восточнохристианской цивилизации в XIV в. уже было сочтено, ее история клонилась к закату, а новый рассвет, несмотря на редкие зарницы, пробивавшие сгустившуюся над империей закатную тьму, для нее так и не наступил. При всей разности судеб западноевропейской и византийской культуры в эпоху позднего Средневековья, Маргарите Адольфовне казалось уместным использовать метафору Хейзинги для утасающей Византии – ее осенние краски были столь же необычайно яркими и контрастными³, а по созревшим плодам можно было судить об истоках, питательной среде и течении роста «византийского дерева». Поиск этих контрастов и сбор «опавших с пышной византийской кроны листьев»⁴ составляли предмет многолетних исследований М. А. Поляковской, посвятившей свои труды, по ее собственному выражению, «возделыванию византийского осеннего сада» XIV в.

«Делянку», которую Маргарита Адольфовна на протяжении полувека усердно возделывала, отвел ей учитель, профессор Михаил Яковлевич Сюзюмов. Он предложил аспирантке, которая в 1960 г. пришла к нему на обучение, заняться историей XIII–XIV вв. Чем руководствовался Сюзюмов, решив дать ученице из всей тысячелетней истории империи тот период, который тогда был совсем не в фаворе у византинистов? Возможно, он учел тот факт, что дипломную работу Маргарита Адольфовна писала об итальянских событиях XIV в., связанных с деятельностью Кола ди Ренццо и оставил ее в том же «времени». Но скорее всего выбор был определен научным интересом Сюзюмова к проблеме византийского феодализма. Развивая концепцию о наличии у Византии альтернативы в выборе пути общественного развития, ученый доказывал, что феодализация здесь протекала в условиях столкновения двух противоположных тенденций: носителем одной выступала городская знать, заинтересованная в централизованных формах эксплуатации; проводником же второй была провинциальная земельная аристократия, тяготевшая к «каролингской» модели феодализма, связанной с установлением сеньориальных форм зависимости⁵. В этой связи исследование экономической жизни поздневизантийских городов имело принципиальное значение для выявления

² Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988. С. 5.

³ Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов. Екатеринбург, 1992. С. 3.

⁴ Она же. Византия, византийцы, византинисты... С. 5.

⁵ Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии // ВВ. 1960. Т. 17. С. 11.

специфики и сущности византийского феодализма. Потому некоторым из своих учеников «первого призыва» Сюзюмов и предлагал для изучения отдельные аспекты социальной и экономической истории поздней Византии, анализ которых был необходим для уточнения общей концепции исторического развития византийского общества.

Следует также заметить, что Сюзюмов в то время сам углубился в изучение событий в Фессалонике периода гражданской войны между Иоанном VI Кантакузином и Иоанном V Палеологом, о чем свидетельствуют, в частности, его доклад о зилотском движении на VII Всесоюзной конференции византинистов в Тбилиси (1965) и вышедшие вскоре статьи о характере и сущности восстания зилотов. Возможно, для лучшего понимания логики событий Сюзюмову было важно изучить один из аспектов экономической и социальной жизни этого поздневизантийского города, что он и поручил своей ученице. В одной из своих работ о зилотах учитель сослался на первые результаты ее исследований⁶.

Прозорливость Сюзюмова, видевшего большие перспективы в изучении этого периода византийской истории, предвосхитила всплеск интереса к XIV–XV вв., который вскоре начался в византинистике. О том же, что в 1960-е гг. изучение поздневизантийской истории было не «в моде», свидетельствует весьма снисходительное отношение А. П. Каздана к периоду, которым занималась М. А. Поляковская. Познакомившись с начинающей исследовательницей в 1963 г., Каздан не скрывал сожаления от того, что молодая коллега специализировалась на исследовании поздней Византии, а не «классического византийского времени». Александр Петрович считал (и его мнение тогда разделяли многие византинисты), что после 1204 г. Византия превратилась в бледную тень великой державы и лишилась былого имперского великолетия, в силу чего казалась малопривлекательным объектом для изучения – слишком невыразительными и вторичными выглядели плоды палеологовского времени. «Жаль, что Вы занимаетесь поздней эпохой – впрочем, и там, конечно, много любопытного», – не без разочарования писал Каздан М. А. Поляковской в 1970 г.⁷ Но выбору, сделанному когда-то ее учителем, Маргарита Адольфовна не изменяла, воздавая должное очарованию увядающей имперской красоты и стойкости сохранявшегося до самого падения Византии великодержавного духа.

Первая тема, с которой М. А. Поляковская начинала свой путь в науке, была связана с изучением городских владений поздневизантийских монастырей. Выбор объекта и предмета ее исследования – метохи и их

⁶ Сюзюмов М. Я. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342–1349 гг. // ВВ. 1968. Т. 28. С. 18.

⁷ Письмо А. П. Каздана М. А. Поляковской (январь 1970) // Личный архив М. А. Поляковской.

роль в городской экономике, монастырская собственность в городе и городской округе, ее структура и динамика изменения – в полной мере отвечал генеральной линии отечественной историографии, акцентировавшей внимание на социально-экономических проблемах изучения прошлого. Более того, анализ вопросов феодальной собственности имел принципиально важное значение для исследования феодализма в целом – этого краеугольного камня медиевистских штудий эпохи развитого марксизма. Тема специфики византийского феодализма тогда активно разрабатывалась в отечественном византиноведении, о чем свидетельствуют различные по своему концептуальному решению работы Б. Т. Горянова, А. П. Каждана и М. Я. Сюзюмова, вышедшие в то время.

Опираясь на актовый материал (прежде всего афонских обителей), начинающая исследовательница проанализировала структуру монастырских владений в городских центрах Македонии, их хозяйственную деятельность и доходность, констатируя рост городской собственности крупных монастырей в XIV в.⁸ и усиление их позиций не только в экономической, но и политической жизни провинциальных городов. Красной нитью через публикации Маргариты Адольфовны 1960-х гг. проходила мысль, наиболее развернуто представленная в кандидатской диссертации (1966), о том, что в XIV в. наблюдалось интенсивное проникновение крупных монастырей, главным образом афонских, в жизнь как провинциальных городов, так и столиц⁹. Концентрируя у себя значительную собственность и имея полученные от правящей династии иммунитетные права, монашество укрепляло материальную основу своего политического влияния в империи. Расширяя географию исследования, М. А. Поляковская обратилась к анализу владений константинопольских монастырей в самой столице и ее округе, отметив их рост в условиях политической борьбы 40–50-х гг. XIV в.¹⁰ Ее наблюдения подтверждали мысль учителя об упрочении феодальных институтов и превращении поздневизантийских городов в феодальные центры.

⁸ Спустя тридцать лет с ее выводом поспорил А. П. Каждан, см.: *Kazhdan A. The Italian and Late Byzantine City* // DOP. 1995. Vol. 49. P. 13. В письме М. А. Поляковской по этому поводу он писал: «Я печатаю в DOP статью “Византийский и итальянский город” (доклад на симпозиуме в DO) – там, между прочим, я полемизирую с Вами: мне кажется, что монастырские владения Константинополя и Фессалоники были сравнительно невелики, а вот светские лица приобретали десятки домов и, видимо, выгодно сдавали их внаем. Впрочем, для Вас это давно пройденный этап, а для меня – служебный долг больше, чем реальный интерес» (Из писем А. П. Каждана // Поляковская М. А. Византия, византийцы, византинисты... С. 403).

⁹ Поляковская М. А. Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии // ВВ. 1964. Т. 24. С. 208.

¹⁰ Она же. Участие византийских монастырей в политической жизни империи середины XIV в. // АДСВ. 1969. Вып. 6. С. 59.

Сравнивая эти процессы с ситуацией в Западной Европе, она подчеркивала специфический путь развития византийского города: увеличение объема владений монастырей в городах и пригородах не способствовало развитию элементов капиталистических отношений, лишая тем самым страну экономической перспективы¹¹.

Однако работа с монастырскими актами, их канцелярским языком и однообразным формуляром, несмотря на глубокое погружение в тонкости палеографии и дипломатики, не удовлетворяла филологическим запросам Маргариты Адольфовны, любившей литературу и ценившей изящное слово. «Это не мое», – говорила она. Как мне кажется, ей не хватало в этой теме еще и «живых людей», с которыми историк мог бы вступить в диалог. Исчерпав для себя «монастырскую» тему, она с легкостью с ней рассталась, хотя впоследствии давала студентам для курсовых работ сюжеты из истории монастырей и читала спецкурс о византийской дипломатике. Интуитивно нащупав тему, связанную с анализом общественно-политических воззрений поздневизантийских интеллектуалов, исследовательница приступила к чтению риторических и эпистолярных сочинений, погрузившись в мир высокой литературы. Сюзюмов не одобрил переход ученицы на соседнюю «делянку» (он-то растил палеографа), но и не стал препятствовать – учитель всегда давал своим ученикам свободу выбора. А Маргарита Адольфовна, обратившись к памятникам поздневизантийской риторики и эпистолографии, погрузилась в тему, которая пришлась ей по сердцу – ее манила перспектива постижения мира византийского интеллектуала, его культурного и образовательного багажа, нравственно-этических норм, общественных взглядов и эмоциональных переживаний. Так произошел ее переход от изучения институтов и социально-экономических моделей к проблеме человека поздней Византии, его интеллектуальных поисков и рефлексии актуальных проблем его времени.

Начало ее работы над новой темой совпало и с переменами в мировой византистике. Состоявшийся в 1971 г. в Бухаресте XIV Международный конгресс византистов, в работе которого приняла участие и молодая исследовательница, только убедил ее в правильности выбора нового направления исследований. Организаторы научного форума поставили цель привлечь внимание ученых к XIV в. в истории Византии, так сформулировав главную тему – «Общество и интеллектуальная жизнь в XIV в.». Этот конгресс «реабилитировал» для научной общест-венности период, долгое время недооцененный в византиноведческих исследованиях. Кроме того, акцент на проблему поздневизантий-

¹¹ Поляковская М. А. К вопросу о характере городской и пригородной монастырской собственности в поздней Византии // АДСВ. 1966. Вып. 4. С. 82.

ской интеллектуальности стимулировал исследовательский интерес к изучению культурных процессов, протекавших в Византии на фоне политического и экономического кризиса и идейно-религиозных нестроев. Пленарные выступления, прозвучавшие в рамках конгресса, стали программными для исследователей. Особое значение для дальнейшего развития поздневизантийских штудий имели доклады И. Шевченко об интеллектуальной жизни¹², И. Мейендорфа о религиозных проблемах, прежде всего связанных с утверждением паламизма¹³, и Г. Хунгера, затронувшего проблему антиклизации поздневизантийской литературы¹⁴. Доклад, который представила на конгрессе Маргарита Адольфовна, был посвящен анализу композиционных особенностей энкомия Николая Кавасилы, автора XIV в. Реакция зарубежных коллег на ее дебютное выступление на международном форуме убедила в правильности ранее сделанного выбора. Так определилась главная тема ее исследований – интеллектуальная жизнь поздней Византии.

Следуя золотому правилу *ad fontes*, М. А. Поляковская начала работу над новой темой с погружения в греческие тексты: по ее собственному замечанию, она «шла от источника к источнику»¹⁵. В поле ее зрения в 1970–1980-е гг. попали публицистические сочинения авторов XIV в., поднимавших острые проблемы общественной жизни империи, – прежде всего, труды Николая Кавасилы, Алексея Макремволита и в дальнейшем Димитрия Кидониса, ставшего ее «любимым автором». В тот период она опубликовала переводы некоторых сочинений этих византийских писателей и ряд исследований, посвященных анализу их информационного потенциала.

Опровергая тезис об информационном минимализме византийской риторики, трафаретности ее формул и деконкретности содержания, Маргарита Адольфовна показала, что византийские авторы, ориентировавшиеся на классические образцы, находили способ говорить со своими слушателями о волновавших их злободневных проблемах и выражать свое отношение к таковым, не нарушая при этом законов литературного жанра. Следование классической традиции, являвшейся альфой и омегой «высокой светской литературы» (опре-

¹² Ševčenko I. Society and Intellectual Life in the Fourteenth Century // Actes du XIV-e Congrès International des Études Byzantines. Bucarest, 1974. T. 1. P. 69–92.

¹³ Meyendorff J. Society and Culture in the Fourteenth Century. Religious Problems // Actes du XIV-e Congrès International des Études Byzantines... P. 111–124.

¹⁴ Hunger H. Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jahrhunderts // Actes du XIV-e Congrès International des Études Byzantines... S. 139–151.

¹⁵ Мой «византийский мир». Беседы с Маргаритой Адольфовной Поляковской / подгот. Т. В. Куш // АДСВ. 2013. Вып. 41. С. 15.

деление Г. Хунгера), не мешало автору выражать свою общественную позицию, хотя и вынуждало его проявлять словесную виртуозность при использовании античного трафарета, искусно прикрывая истинный смысл речи¹⁶. Классицизм был для приобщенных к античному образованию византийцев своеобразной знаковой системой, и в ней они легко ориентировались. Свою задачу Маргарита Адольфовна видела в том, чтобы, приподняв риторическую завесу, «отслоить индивидуальное от традиционного», выявить тот зазор между трафаретом и авторской идеей, который позволяет обнаружить личную позицию и настроение автора¹⁷, или, выражаясь словами А. П. Каждана, «прощупать личность за стандартными формулами»¹⁸. Такой подход к анализу источников сулил обильные плоды – за риторической мишурой и клишированными фразами М. А. Поляковской удалось различить голоса византийских авторов, уловить особенности их мировосприятия, показать стиль их мышления и тем самым постичь «дух времени, культуры и идеологии»¹⁹. Опыт работы с такими источниками утвердил ее во мнении, что, несмотря на акцентированную приверженность писателей того времени классическим образцам и сознательную аттикизацию своей речи, в литературном творчестве оставалось место для выражения авторской индивидуальности.

Отгадываясь от анализа источников, Маргарита Адольфовна пришла к изучению тех сюжетов, которые сейчас составляют предметное поле интеллектуальной истории. В центре ее внимания оказалась творческая деятельность образованного византийца во всех ее проявлениях (включая условия, формы реализации и результаты), помещенная в культурное пространство и интеллектуальный дискурс палеологовской эпохи. М. А. Поляковская обратилась к изучению политических и социальных взглядов поздневизантийских интеллектуалов, их этических и нравственных идеалов, реакции на общественно-политические события и культурные явления, видя во всем этом формы диалога человека прошлого с его временем. В серии работ, опубликованных в 1970–1980-е гг., она представила самые разные грани мировосприятия образованных византийцев XIV в.: от их политических идеалов и социальных воззрений до восприятия жизни и смерти. От исследовательского внимания исследовательницы не ускользнул и феномен собственно интеллектуальной среды с ее внутренними связями и формами общения

¹⁶ Поляковская М. А. Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник // АДСВ. 1973. Вып. 9. С. 81.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Из писем А. П. Каждана // Поляковская М. А. Византия, византийцы, византилисты... С. 400.

¹⁹ Она же. Портреты византийских интеллектуалов... С. 178.

между ее отдельными представителями. Итогом изучения этой темы стала монография «Портреты византийских интеллектуалов», которую сама Маргарита Адольфовна назвала главной книгой своей жизни.

«Портреты» – это, прежде всего, исследование жизни и творчества трех византийских писателей – Димитрия Кидониса, Николая Кавасилы и Алексея Макремволита, различавшихся по своим жизненным приоритетам и взглядам на мир, общество и человека. Вместе с тем, при всей разности творческого потенциала и писательской активности, эти три современника были людьми высокой образованности²⁰. В книге, как, впрочем, и в предшествовавших ей статьях, Маргарита Адольфовна продемонстрировала блестящее владение антропологическим подходом. Человек с его добродетелями и пороками, высокими помыслами и мелкими страстями, поисками смысла жизни и места под солнцем всегда вызывал ее живой интерес, будя в ней «основной инстинкт историка»²¹. Воскрешение прошлого, вживание в чужую душу, постижение человека с его представлениями, убеждениями и эмоциями – таким ей виделся главный путь изучения мира византийских интеллектуалов. Потому ей так импонировали работы А. П. Каждана, Я. Н. Любарского, И. Шевченко, у которых тот же «инстинкт» был развит в высшей степени.

Однако в этой книге представлены не только камерные портреты византийских писателей – в ней есть и фон, на котором разворачивалась их деятельность. Автору удалось воссоздать интеллектуальную атмосферу Византии XIV столетия и ввести читателя в мир думающих и пишущих людей, размышлявших о своем времени, смысле жизни, собственном предназначении и судьбе отечества в трудную «годину искушений».

Изучение поздневизантийской образованности неизбежно подвело к проблеме взаимоотношений власти и интеллектуальной элиты. Исторический опыт Византии был уникален, поскольку в остальной Европе эпохи Средневековья такой концентрации ученых в структурах власти не наблюдалось. Как справедливо замечала М. А. Поляковская, в Византии связь власти и философии представлялась естественной и необходимой²², а степень участия интеллектуальной элиты в функционировании государственной машины была чрезвычайно высока. Проблему «власть – интеллектуалы» Маргарита Адольфовна, не из-

²⁰ Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов... С. 13.

²¹ Уваров П. Ю. Апокатастасис, или Основной инстинкт историка // Казус: индивидуальное и универсальное в истории. М., 2000. Вып. 3. С. 31.

²² Чекалова А. А., Поляковская М. А. Интеллектуалы и власть в Византии // Византийские очерки. Труды российских ученых к XIX международному конгрессу византинистов. М., 1996. С. 24.

меня своим исследовательским принципам, рассматривала не только в социальном ключе, но и в плане идейно-психологического подтекста такого взаимодействия. Анализируя опыт вхождения во власть образованных людей, она отмечала, что нравственные принципы интеллектуалов нередко вступали в конфликт с моральными нормами византийской бюрократии. Право на свободное выражение собственного мнения и критику императорской власти (Kaiserkritik, по выражению Ф. Тиннефельда) дезавуировалось зависимым положением, в котором оказывались интеллектуалы, попадая на государственную службу. В результате человек, приобретая материальное благополучие, терял свободу интеллектуальной деятельности и впитывал дух сервилизма и раболепия, а потому диалог власти и интеллектуалов, будучи крайне напряженным и постоянным, далеко не всегда оказывался продуктивным²³.

Ведущей темой в последнее десятилетие научной работы М. А. Поляковской стала парадная жизнь императорского двора эпохи Палеологов. В поле ее зрения оказался церемониальный трактат Псевдо-Кодина (XIV в.) – источник хорошо известный византинистам, но слабо изученный в предшествующей историографии. О своем «вхождении» и «погружении» в тему Маргарита Адольфовна подробно написала сама в предисловии к этой работе, позволив заглянуть в свою исследовательскую лабораторию²⁴. Предметом ее штудий стало отражение в церемониальных практиках политической идеологии империи в условиях нарастающего общественного кризиса и упадка ее внешнеполитического значения²⁵. Церемониальный образ василевса, дворец как пространство церемониала, придворная элита и ее роль в «театре власти», официальные ритуалы и их участники, коронационные процедуры и дворцовые праздники, предметный ряд и декоративное убранство политических спектаклей – все эти сюжеты были широко представлены в докладах и публикациях 2000-х гг. Поместив церемониал и связанные с ним формы презентации власти в контекст официальной идеологии, Маргарита Адольфовна показала, как конструировался и посредством ритуалов закреплялся в общественном мнении политический миф о высоком предназначении власти и величии империи. Политические реалии палеологовского времени и экономическое состояние государства контрастировали с пышностью, многолюдностью и подчеркнутой роскошью официальных ритуалов. Церемониал нес важную социальную функцию – он создавал у ромеев в условиях глубочайшего системного

²³ Поляковская М. А. Общество, власть, интеллектуальная элита: поздняя Византия // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 93.

²⁴ Она же. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти» / науч. ред. Т. В. Куш. Екатеринбург, 2011. С. 6–7.

²⁵ Там же. С. 290.

кризиса государства ощущение стабильности и уверенности в великом будущем их богохранимой империи²⁶. Именно такой контраст, по мнению Маргариты Адольфовны, наиболее ярко высвечивал традиционализм политического мышления византийцев и консервативность официальной идеологии. Исследование дворцового церемониала она рассматривала как неотъемлемую часть более широкой проблемы «власть и общество в Византии», проблемы, которая всегда ее волновала.

Маргарита Адольфовна оказалась права, предсказав прорыв в изучении византинистами темы церемониальной культуры времени Палеологов²⁷. Вслед за ее исследованиями стали появляться работы, посвященные византийскому церемониалу, – вышел английский перевод трактата Псевдо-Кодина с обширным комментарием к тексту и анализом упомянутых в нем реалий²⁸, были опубликованы сборники «Византийский двор: источник власти и культуры» (2013)²⁹ и «Придворные церемонии и ритуалы власти в Византии и средневековом Средиземноморье» (2013), в которых немало места уделено и поздне-византийским церемониям³⁰.

Я привела здесь далеко не полный перечень тем исследований М. А. Поляковской – было еще и много других «ответвлений» от основного «ствола». Но я и не ставила перед собой задачу исчерпывающего историографического анализа результатов многолетних изысканий моего учителя. Цель была гораздо скромнее – обозначить те «тропы», которые Маргарита Адольфовна проложила в осеннем «византийском саду», чтобы идущим ей на смену «садовникам» было проще в нем ориентироваться. В одном из писем к Маргарите Адольфовне А. П. Каждан, рассуждая о своем отношении к жизни и науке, заметил: «Надо честно возделывать свой садик, как великий Кандид»³¹. Эти слова составляли в определенном смысле и *credo* Маргариты Адольфовны – она честно трудилась в своем «византийском саду», оставив нам щедрые плоды своих трудов.

²⁶ Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти»... С. 23.

²⁷ Там же. С. 8.

²⁸ Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies / trans. R. Macrides, J. Munitiz and D. Angelov. Farnham, 2013.

²⁹ The Byzantine Court: Source of Power and Culture. Papers from the Second International Sevgi Gonul Byzantine Studies Symposium / ed. A. Ödekan, N. Necipoğlu, E. Akürek. Istanbul, 2013.

³⁰ Court Ceremonies and Rituals of Ruler in Byzantium and the Medieval Mediterranean / ed. A. Beihammer, S. Constantinou, M. Parani. Leiden ; Boston, 2013.

³¹ Письмо А. П. Каждана М. А. Поляковской (30.05.1995) // Личный архив М. А. Поляковской.

REFERENCES

Beihammer, A., Constantinou, S., & Parani, M. (Eds.). (2013). *Court Ceremonies and Rituals of Rower in Byzantium and the Medieval Mediterranean*. Leiden; Boston: Brill.

Chekalova, A. A., & Poljakovskaja, M. A. (1996). Intellekтуалы i vlast' v Vizantii [Intellectuals and Power in Byzantium]. In *Vizantiiskie ocherki. Trudy rossiiskikh uchenykh k XIX mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov* (pp. 5–24). Moscow: Indrik.

Huizinga, J. (1988). *Osen' Srednevekov'ia. Issledovanie form zhiznennogo uk-lada i form myshleniia v XIV i XV vekakh vo Frantsii i Niderlandakh* [The Autumn of the Middle Ages. A Study of the Forms of Life, Thought and Art in France and the Netherlands in the Fourteenth and Fifteenth Centuries]. Moscow: Nauka.

Hunger, H. (1974). Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jahrhunderts. In *Actes du XIV-e Congrès International des Études Byzantines* (Vol. 1, pp. 139–151). Bucarest: Editura Academiei Republicii socialiste Romania.

Kazhdan, A. (1995). The Italian and Late Byzantine City. *Dumbarton Oaks Papers*, 49, 1–22.

Kushch, T. V. (Ed.). (2013). Moi “vizantiiskii mir”. Besedy s Margaritой Adol'fovnoy Poljakovskoi [My “Byzantine World”. Conversations with Margarita Adol'fovna Poljakovskaja]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 41, 5–26.

Macrides, R., Munitiz, J., & Angelov, D. (Eds.). (2013). *Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies*. Farnham: Ashgate.

Meyendorff, J. (1974). Society and Culture in the Fourteenth Century. Religious Problems. In *Actes du XIV-e Congrès International des Études Byzantines* (Vol. 1, pp. 111–124). Bucarest: Editura Academiei Republicii socialiste Romania.

Ödekan, A., Necipoğlu, N., & Akürek, E. (Eds.). (2013). *The Byzantine Court: Source of Power and Culture. Papers from the Second International Sevgi Gonul Byzantine Studies Symposium*. Istanbul: Koç University Press.

Poljakovskaja, M. A. (1964). Gorodskie vladeniia provintsial'nykh monastyrei v pozdnei Vizantii [Urban Possessions of Provincial Monasteries in Late Byzantium]. *Vizantijskij vremennik*, 24, 202–208.

Poljakovskaja, M. A. (1966). K voprosu o kharaktere gorodskoi i prigorodnoi monastyrskoj sobstvennosti v pozdnei Vizantii [On the Nature of Urban and Suburban Monastic Property in Late Byzantium]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 4, 75–93.

Poljakovskaja, M. A. (1969). Uchastie vizantiiskikh monastyrei v politicheskoi zhizni imperii serediny XIV v. [Participation of Byzantine Monasteries in the Political Life of the Empire in the Mid-fourteenth Century]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 6, 55–78.

Poljakovskaja, M. A. (1973). Enkomii Nikolaia Kavasily kak istoricheskii istochnik, [Encomion of Nicholas Kabasilas as a Historical Source]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 9, 77–88.

Poljakovskaja, M. A. (1992). *Portrety vizantiiskikh intellektualov* [Portraits of Byzantine Intellectuals]. Ekaterinburg: Ural University Press.

Поздняя Византия в работах М. А. Поляковской

Poljakovskaja, M. A. (2000). *Obshchestvo, vlast', intellektual'naja elita: pozdniaia Vizantiia* [Society, Government, Intellectual Elite of Late Byzantium]. In *Istoricheskaia nauka na rubezhe vekov* (pp. 87–93). Ekaterinburg: Ural University Press.

Poljakovskaja, M. A. (2003). *Vizantiia, vizantiitsy, vizantinisty* [Byzantium, Byzantines, and Byzantinists]. Ekaterinburg: Ural University Press.

Poljakovskaja, M. A. (2011). *Vizantiiskii dvortsovyi tseremonial XIV v.: "teatr vlasti"* [Byzantine Palace Ceremonial of the Fourteenth Century: "Theater of Power"]. Ekaterinburg: Ural University Press.

Ševčenko, I. (1974). Society and Intellectual Life in the Fourteenth Century. In *Actes du XIV-e Congrès International des Études Byzantines* (t. 1, pp. 69–92). Bucarest: Editura Academiei Republicii socialiste Romania.

Sjuzjumov, M. Ja. (1960). K voprosu ob osobennostiakh genezisa i razvitiia feodalizma v Vizantii [On the Question of the Peculiarities of the Genesis and Development of Feudalism in Byzantium]. *Vizantijskij vremennik*, 17, 3–16.

Sjuzjumov, M. Ja. (1968). K voprosu o kharaktere vystupleniia zilotov v 1342–1349 gg. [On the Character of the Zealot Revolt in 1342–1349]. *Vizantijskij vremennik*, 28, 15–37.

Uvarov, P. Yu. (2000). Apokatastasis, ili Osnovnoi instinkt istorika [Apokatastasis, Or the Basic Instinct of the Historian]. *Kazus: individual'noe i universal'noe v istorii*, 3, 15–32.

Куш Татьяна Викторовна

доктор исторических наук,
заведующая кафедрой истории
Древнего мира и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: tkushch@yandex.ru

Kushch, Tatiana Viktorovna

Dr. Hab. (History), Head of the Ancient
and Medieval History Department
Ural Federal University
51 Lenin Ave, Ekaterinburg, 620000,
Russia
E-mail: tkushch@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9097-5466
ResearcherID: H-9248-2017
ScopusID: 57214235683